



ВѢСТНИКЪ
ИСКУССТВЪ
1908. г.

№ 8—10.

Юль-Августъ.

Театръ „Соловцовъ“.

Открытие сезона.

Повидимому, устанавливается своего рода традиція—открывать сезонъ Чеховымъ.

Въ прошломъ году поставили „Три сестры“.

Теперь—„Дядю Ваню“.

Не знаю, какими соображеніями въ данномъ случаѣ руководствуются „правлящіе“ круги театра, но лично мнѣ эта „традиція“ представляется весьма неудачной.

Открытие сезона неизбежно связано съ извѣстными условностями. На открытие сезона влечетъ скорѣе любопытство, чѣмъ стремленіе отдаться во власть серьезныхъ и глубокихъ эстетическихъ переживаній. Въ любопытствѣ же не можетъ быть глубины, искренности, всегда—фальшь.

Затѣмъ, съ открытіемъ сезона связываются дебюты вновь приглашенныхъ артистическихъ силъ. И снова любопытство,—изощренное, праздное, едва ли здоровое въ чисто эстетическомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти моменты сильно отвлекаютъ зрителя отъ пьесы. Глубокимъ переживаніемъ мѣшаетъ масса чисто „житейскихъ условностей“. Вниманіе отвлекается, дробится. Впечатлѣніе ослабляется. Настроеніе пропадаетъ...

Блѣдный Чеховъ... Пропадаетъ то, что для него такъ важно, такъ цѣнно, на чемъ онъ весь стоитъ. Чеховъ долженъ создать настроеніе. А между тѣмъ, все мѣшаетъ создаваться тихому, интимному настроенію...

Можетъ быть, я страшно субъективенъ, можетъ быть я сильно преувеличиваю, но я прочно стою на своемъ: для открытія сезона Чехова нельзя ставить. Нельзя, нельзя, нельзя...

Есть небольшія пьески—ихъ ставятъ для „сѣзды“ публики. Пока сѣдуютъ, разсѣдутся, угомонятся. Станетъ тихо—и затѣмъ можно дать занавѣсъ для „настоящей“ пьесы.

Такъ и съ открытіемъ сезона. Для открытія сезона также должны быть свои пьесы. Думаю,—лучше всего обстановочныя. Легкое пріятное зрѣлище—и мысль не напрягается, и чувствамъ вольготно. Своего рода естественная граница между двумя сезонами: лѣтнимъ и зимнимъ.

Чехова же нужно пощадить. Нельзя ставить Чехова „для сѣзды“. Пусть обозвутъ старовѣромъ, но скажу прямо — кощунственно, Чеховъ вѣдь,—такой невыразимо дорогой, близкій, нѣжный, интимный!..

Чеховъ...

Какъ бы то ни было, но вотъ уже два года,—для открытія сезона ставятъ Чехова, а

Чехова то и не оказывается вовсе. Такъ таки ни чуточки. Словно не Чехова ставили. Словно промелькнула передъ нами какая то передѣлка, — блѣдная, слабая, безталанная...

Говорили—въ прошломъ году Марджановъ „провертѣлъ“ Чехова. Что и говорить, вѣрно, „провертѣлъ“. И подѣломъ,—нельзя „вертѣть“ Чехова. Чехова нужно ставить безъ кунштюковъ, безъ лишняго мудрствованія. Нечего выше головы прыгать—прибавлять, убавлять. Дай Богъ дать то, что задумалъ Чеховъ—одно это громадная работа.

Теперь, видимо, не мудрствовали лукаваго. Поставили „Дядю Ваню“ просто, безъ затѣй, какъ должно. Видимо любятъ, уважаютъ Чехова. Пока что, спасибо г. Савинову и на томъ. Послѣ „вертящагося“ Чехова и это много, страшно много...

Но все-таки: Чехова не было.

Единственное впечатлѣніе послѣ перваго спектакля, весь его синтезъ можетъ быть выраженъ въ этой обидной формулѣ:

— Чехова не было...

Начать съ того, что всѣ были не въ своихъ роляхъ.

Всѣ, словно по уговору, старались не дать нужныхъ контуровъ, нужныхъ красокъ, нужнаго настроенія.

Ну, какой же „Дядя Ваня“ г. Дуванъ-Торцовъ? Эта роль совсѣмъ не для него. Не говорю объ общемъ тонѣ—долго было бы сказывать, весь внѣшній рисунокъ сразу не тотъ. Тутъ уже ничѣмъ не спасешь.

Блѣдной Еленой Андреевной была г-жа Пасхалова. Во всякомъ случаѣ, образа—чеховскаго образа создать ей не удалось.

Не шаржирую мѣстами г. Дагмаровъ (напр., сцена припадка подагры)—онъ на данномъ общемъ фонѣ былъ бы, пожалуй, недурнымъ Серебряковымъ.

Больше всего „дала Чехова“, несомнѣнно, г-жа Чаруская. Еще немного—и была бы подлинная чеховская Соня. Заключительный же чудный чеховскій аккордъ удался г-жѣ Чаруской превосходно.

Теперь о новыхъ артистахъ. Само собою, что всякія обобщенія преждевременны и неумѣстны. Не хотѣлось бы говорить даже о первыхъ впечатлѣніяхъ,—мало ли какъ они могутъ измѣниться. Пока могу сказать одно:

Очень благопріятное впечатлѣніе оставила г-жа Матрозова.

Видимо, интересный, вдумчивый артистъ г. Рудницкій. Астрова же онъ игралъ страшно неровно. Были моменты удачные, но были и моменты страшно неудачные. Отдѣльные моменты были словно изъ плохой мелодрамы...

Повторяю, однако, снова: всякія обобщенія слишкомъ преждевременны.

И. Чужановъ.